

С. Б. Сорочан

ВИЗАНТИЙСКИЙ ХЕРСОН В «ИТАЛИЙСКОЙ ЛЕГЕНДЕ»

*Легенда не всегда лжет, –
иногда она правдивее истины.*

Эдмон Ростан

«Житие с перенесением мощей св. Климента», известное в латинском оригинале как «*Vita cum Translatione Sancti Clementis*», или «Италийская легенда» (*Legenda Italica*), состоит из 12 небольших глав и представляет в своей основе (§ 2–5) перевод римским прелатом Анастасием Библиотекарем (ум. 879 г.) «Краткой истории» (*brevis historia, storiola, historica narratione*). Это был своего рода пересказ отчета Константина Философа о поездке в Хазарию и обретении в византийском Херсоне, в Крыму, зимой 860/861 г. мощей блаженного Папы Климента. Часть их была позже доставлена «солунскими братьями» в Рим и, видимо, в связи с этим важным событием, состоявшимся, скорее всего, в мае–июне 868 г., возникла основа «Жития с перенесением мощей св. Климента» – источника, окончательно оформившегося в Риме в X в. [Спиридонов, 1914, с. 272].

Текст памятника в части о розыске мощей гораздо более подробный, чем «Пространное житие Константина» («Паннонская легенда»), обнаруживает следы переводческой деятельности Анастасия Библиотекаря и его письма (подробно см.: [Сорочан, 2012–2013, с. 222–240]), послуживших основой для составленного около 880 г. ученым священнослужителем Иоанном по повелению Гаудериха, епископа италийского города Велитери (Веллетри), и поднесенного Папе Иоанну VIII (872–882) сочинения о жизни и трудах Климента Римского, а также об обретении и перенесении в Италию его мощей, за которым в начале XII в., в свою очередь, близко следовал Леон, епископ Остии и Веллетри (ум. ок. 1114/1115 г.) в сво-

ем рассказе о перенесении мощей св. Климента. Сочинение этого высокоученого «Иоанна левита» не сохранилось, за исключением предисловия Гаудериха, адресованного Папе Иоанну VIII, где епископ заявлял, что составленное по его поручению Житие Климента «non tam strenue, quam devote collegi, in tribus libris conglutianus ordinavi» [Acta Sanctorum, 1678, p. 41 sq.]. В первой книге был рассказ о семье и приключениях св. Климента, во второй – о его сочинениях; в третьей – «miramur prodigia, exultationis angustias, martirii laureas, reversionis ejus ad propriam sedem miracula». Конечная дошедшая до нас часть этого сочинения известна в науке под названием «Vita cum Translatione S. Clementis» (см.: [Франко, 1902, с. 116–117; Лавровский, 1886, с. 17–59; Житие Константина..., 1981, с. 10, 118–119, комм. 14; Цукерман, 1997, с. 317].

Предлагаемый ниже перевод на русский язык «Италийской легенды» выполнен в начале прошлого века П. А. Лавровым в издании, ныне ставшем библиографической редкостью [Житие и перенесение..., 1912, с. 215–221]¹. Сверив с латинским текстом, мы снабдили его комментариями, которые вместе с переводом этого редкого ценного источника могут оказаться полезными для исследователей как византийского Крыма хазарской эпохи, так и нескончаемой Климентианы (из последних примеров: [Jastrzebowska, 2003; Сорочан, 2006, с. 172–180; Сорочан, 2010, с. 29–39; Херсонес..., 2011; Климентовский сборник..., 2013]).

1. В годы правления Византией императора Михаила² был один муж знатного происхождения, родом из Солуни³, именем Константин⁴, которого за чудесный ум, с малолетства в нем открывший-

¹ Латинский текст см.: [Vita cum Translatione..., 1911, p. 142–147; ср.: Бильбасов, 1871, с. 220–227 (лат. текст), с. 314–320 (рус. пер.)].

² Tempore igitur quo Michael imperator Novae Romae regebat imperium – «В то время, когда Михаил император в Новом Риме правил империей...». Михаил III был императором в Константинополе с 21 января 842 г. по 23 сентября 867 г., когда он был убит заговорщиками, возглавляемыми соправителем василевса Василием Македонянином.

³ ...родом из Солуни – civitate Thessalonica ortus («происхождением из города Фессалоники»).

⁴ Жития Константина и Мефодия позволяют полагать, что по рождению и профессиональной подготовке оба брата, по выражению Д. Оболенского, входили в византийский «истеблишмент» [Оболенский, 1998, с. 148–149]. Их отец состоял

ся⁵, по справедливости прозвали Философом⁶. Достигши зрелых лет, он привезен был родителями в столицу⁷; там как муж весьма благочестивый и благоразумный украсился священническим саном⁸.

на государственной службе при стратиге фемы Фессалоника, и хотя его пост друнгария, скорее всего – командира сотни стратиотов, не был очень высоким, назван в Житии Константина Философа «мужем неким, богатым и доброго рода». В Житии Мефодия добавлено, что братья были «...с обеих сторон (т. е. как по отцовской, так и по материнской линии) не из худого рода, но доброго и честного, известного сначала Богу, и цесарю, и всей Солунской земле», причем старшему, Мефодию, был доверен высокий административный пост, видимо – архонта одной из славянских провинций Империи, что могло быть связано с византийской политикой замены местных «первенствующих» присланными со стороны имперскими чиновниками – ромеями [Житие Константина..., 1981, с. 71, гл. 2; с. 96, гл. 2; *Wasiliewski*, 1972, s. 173–177]. Все это вполне согласуется со словами Итальянской легенды о знатном происхождении (*vir nobili genere*) Константина и указывает на то, что ее составитель был знаком с текстом его Жития, уже имевшимся к 880-м гг., если не раньше.

⁵ ...за чудесный ум, с малолетства в нем открывшийся – *ob mirabile ingenium, quo ab ineunte infantia mirabiliter claruit*.

⁶ И. Я. Франко видел в этом утверждении агиографа ошибку, поскольку Философом Константина прозвали не потому, что он имел *mirabile ingenium*, а оттого, что таковым было его официальное положение как учителя при столичной высшей школе [Франко, 1904, с. 216].

⁷ В латинском тексте – *hic cum adolevisset, atque a parentibus fuisset in urbem regiam dicitur*. Очевидно, Константин попал в столицу Империи, или просто Полис – «Город», как ее называли ромеи, еще будучи молодым человеком (*cum adolevisset*), но не с родителями, ибо потерял отца в 14 лет [Житие Константина..., 1981, гл. II; Франко, 1904, с. 217]. Если исходить из 827 г. как даты его рождения (умер в 869 г. в возрасте 42 лет), тогда речь идет о 841 г. – конце правления василевса Феофила (829–842). Константин был вызван логофетом Феоктистом в Константинополь якобы «учиться вместе с императором» [Житие Константина..., 1981, гл. III], т. е. сыном Феофила, Михаилом, которому в это время было всего три года. Понятно, что он не мог учиться вместе с ним. Тем не менее годы занятий самого Константина пришлось на начало правления малолетнего Михаила III, которого вплоть до начала 856 г. представляла его мать, вдовствующая августа – регентша Феодора, а фактически замещал ее фаворит, царский опекун, грубый и властный Феоктист. Примечательно, что Константин находился под покровительством последнего вплоть до его убийства, каковое событие могло стать причиной того, что он покинул Константинополь и отправился на вифинский Олимп в монастырь (см.: [Житие Константина..., 1981, с. 73, гл. 4, с. 113–114, комм. 1]).

⁸ ...украсился священническим саном – *honorem quoque sacerdoti ibidem*. В переводе В. А. Бильбасова: «...принял там священнический сан» [Бильбасов, 1871, с. 314, гл. 1]. В Житии Константина сказано, что «юный философ» был пострижен в священники и ему была дана служба библиотекаря у Патриарха в храме Св. Софии [Житие Константина..., 1981, с. 73, гл. 4]. В действительности речь должна

В то же время к упомянутому императору прибыли послы от хазар⁹, прося и моля прислать к ним ученого мужа, который научил бы их неложно кафолической вере¹⁰; прибавляя, между прочим, каким образом то иудеи, то сарацины стараются обратить их в свою веру¹¹. Но мы, не зная, на чью сторону лучше склониться, решились просить совета о нашей вере и спасении у верховнейшего и кафолического императора, полагаясь на вашу верность и старинную дружбу¹². Тогда император, посоветовавшись с патриархом¹³, призвал пред себя упомянутого философа и с величайшей честью от-

идти о Фомаитском триклинии, сооруженном уже Патриархом Фомой (607–619), где размещалась библиотека Константинопольского патриаршества, содержащая почти исключительно священные тексты, в том числе еретические, запертые в шкафы и сундуки [Wilson, 1967, p. 59; Manaphes, 1972]. Так или иначе, среди патриарших чиновников того времени известна должность библиофилака, однако даже секретари и делопроизводители патриаршей канцелярии – хартофилаки, по рангу стоявшие выше библиотекаря, были не более чем диаконами, так что Константин, молодой клирик, едва ли удостоился иного сана, в котором оставался почти до конца жизни [Dvornik, 1970, s. 77–78; ср.: Darrouzes, 1970, p. 63–64].

⁹ ...прибыли послы от хазар – Cazarorum legati venerunt. У В. А. Бильбасова: «...явились послы Хазар». Так же и в Житии Константина (гл. 8). Очевидно, речь идет о прибытии хазарского посольства в Константинополь, состоявшемся, судя по контексту нижеследующего повествования (комм. 14), летом 860 г., накануне или вскоре после знаменитого морского набега на столицу империи варварского народа рос (подробнее см.: [Dvornik, 1933, p. 112–180; Кузенков, 2003, с. 3–172; Кузенков, 2012, с. 52–97; Гордієнко, 2013, с. 132–143]).

¹⁰ ...который научил бы их неложно кафолической вере – qui eos fidem catholicam veraciter edoceret. У В. А. Бильбасова: «...который по истине научил бы их кафолической вере».

¹¹ В переводе В. А. Бильбасова: «...они прибавляли между прочим, что теперь то Евреи, то опять Сарацины наперерыв стараются обратить нас каждый в свою веру».

¹² ...полагаясь на вашу верность и старинную дружбу – in fide vestra ac veteri amicitia plurimum confidentes. У В. А. Бильбасова: «...так как мы вполне доверяем вашей верности и старинной дружбе». У И. Я. Франко: «...покладаючи найбільше довіря до вашої віри і старої приятни» [Франко, 1904, с. 213]. В Житии Константина: «...[вспоминая] старую дружбу и сохраняя (взаимную любовь)» (гл. 8).

¹³ ...посоветовавшись с Патриархом – simul cum Patriarcha consilio habito. В Житии Константина сообщение о совещании Михаила III с Патриархом Фотием отсутствует. Но в любом случае источники подчеркивают, прежде всего, церковный, миссионерский характер посольства. Прямая связь его с нападением росов на Константинополь летом 860 г. и попытками отыскать против них действенных союзников в Хазарии остается гипотетической, хотя миссия действительно отбыла морем в Крым вскоре после этого нападения, тем же летом или не позже начала осени [Dvornik, 1933, p. 112–180].

правил его туда с хазарскими и своими послами¹⁴ в полном уповании на его благоразумие и красноречие¹⁵.

2. Итак, немедленно, приготовив все нужное, он пустился в путь¹⁶ и прибыл в Херсон, весьма близкий и смежный с землей хазар¹⁷; тут остановился на несколько времени, желая обучиться языку этого народа¹⁸. Между тем по внушению Бога, который

¹⁴ ...с величайшей честью отправил его туда с хазарскими и своими послами – simul cum legatis illorum ac suis honorificentissime transmisit illuc («вместе с посланниками туда с великим почетом отправил»). Именно упоминание хазарских послов позволяет полагать, что отправка произошла после прибытия хазарского посольства к императору и, поскольку путь ответной византийской миссии совпадал с маршрутом возвращения хазар домой, это превратилось в совместный маршрут, по крайней мере – в части плавания к Крыму, в Херсон. Это же обстоятельство позволяет полагать, что сопровождавшие Константина хазары какое-то время оставались с ним в Херсоне, поскольку миссия задержалась там на зиму. Ни один другой источник не содержит сведений такого рода, что ускользнуло от внимания исследователей.

¹⁵ У В. А. Бильбасова: «...так как император вполне доверял мудрости и красноречию Константина».

¹⁶ *Итак, немедленно, приготовив все нужное, он пустился в путь* – E vestigio igitur praeparatis omnibus necessariis, iter arripiens. У В. А. Бильбасова: «Тотчас после того как были сделаны необходимые приготовления, Константин отправился в путь...» [Бильбасов, 1871, с. 314–315, гл. 2]. Любопытно это замечание о сборах в путь, которого нет в Житии Константина. Между тем, оно объясняет, откуда в Херсоне в распоряжении посланника императора и Патриарха оказались все необходимые материалы относительно Климента Римского, которые он представил тамошнему архиепископу и именитым горожанам (см.: Письмо Анастасия Библиотекаря епископу Гаудериху, § 3). Вероятно, в багаже дипломата-клирика было немало богословской литературы, соответствующих выписок из нее, так что, готовясь к путешествию, Константин загодя знал, за какими занятиями ему придется коротать время в городе, погруженном в зимнее оцепенение, дожидаясь весны и продолжения путешествия ко двору хагана.

¹⁷ *...прибыл в Херсон, весьма близкий и смежный с землей хазар* – venit Seraponam, quae nimirum terrae vicina Cazarorum et contigua est («прибыл в Херсон, чья земля, разумеется, соседка Хазарии и является смежной»). У И. Я. Франко: «...прибыв до Херсона, що лежить в сусідстві і сумежності з землею Хазарів» [Франко, 1904, с. 213]. Это указание на соседство и смежность следует понимать так, что земли фемы Херсон лежали на пограничье с территорией, считавшейся хазарской, т. е. проходили прилизительно по линии Внутренней гряды и долины р. Альмы. Ближайший к Хазарии византийский город, он являлся таким и во времена Петроны Каматира, двадцать лет назад [Сорочан, 2003(1), с. 89–90].

¹⁸ *...тут остановился на несколько времени, желая обучиться языку этого народа* – ibique gratia discendi linguam gentis illus est aliquandem demoratus («тут, желая обучиться языку народа этого, надолго задержался»). У В. А. Бильбасова: «...там он пробыл некоторое время с целью изучения языка этого народа» [Бильбасов, 1871, с. 315, гл. 2]. Это единственное место, называющее одну из главных причин довольно длительной задержки Константина Философа именно в Херсоне – это необходимость обучиться хазарскому языку. Житие Константина тоже подчерки-

уже положил открыть правоверным своим столь драгоценное сокровище, тело св. Климента, упомянутый муж, как любознательный испытатель¹⁹, начал от местных жителей прилежно наведываться и тщательно испытывать²⁰, что [до него] дошло частью через письменное предание, частью по слуху²¹, о теле блаженного Климента, о храме, воздвигнутом ангельскими руками²², и о гробе его²³. Все объявили²⁴, что как пришельцы из разных народов²⁵, а не местные

вает лингвистические интересы посланника, но указывает лишь на его занятия семитскими языками и письменностью [Житие Константина..., 1981, гл. 8].

¹⁹ ...как любознательный испытатель – ac si curiosus explorator («как старательный исследователь»). Другое значение слова exploratory – «разведчик, рекогносцировщик». Эту же черту Константина, действовавшего не хуже заправского археолога, подчеркивает и письмо Анастасия Библиотекаря в части, где пересказывается сообщение епископа Митрофана Смирнского, находившегося в тех краях в ссылке (§ 3).

²⁰ ...начал от местных жителей прилежно наведываться и тщательно испытывать – ab incolis loci diligentissime perscrutari ac solerter investigare illa. У В. А. Бильбасова: «...старательно разведывать у местных жителей и искусно исследовать все» [Бильбасов, 1871, с. 315, гл. 2]. Incolis loci – обитатели, жители места, т. е., надо полагать, все, кто жил в Херсоне и его окрестностях. И. Я. Франко, ошибочно искавив текст, полагал, что Константин расспрашивал о гробе Климента не самих херсонитов, а якобы только соседей, живших подле того места (assolae loci illius), что действительно было бы странно [Франко, 1904, с. 209]. Чтобы это объяснить, украинский агиолог пошел на введение следующей умозрительной конструкции. По его мнению, автор «Италийской легенды» использовал свидетельства Митрофана Смирнского, переданные Анастасием Библиотекарем в письме к Гаудериху, но из «assolae» сделал «incolae», которые таким образом оказываются «non indigenae, sed diversis ex gentibus advenae», т. е. совершил смысловую замену на худшее, утрировав ситуацию [Франко, 1904, с. 219–220].

²¹ ...частью через письменное предание, частью по слуху – quae ad se tum litterarum traditione, tum quoque vulgari fama. У В. А. Бильбасова: «...что он узнавал из письменных свидетельств, равно как и по слухам». У И. Я. Франко: «...що дійшло було до нього чи то з письменної традиції, чи з народних переказів» [Франко, 1904, с. 213].

²² ...о храме, воздвигнутом ангельскими руками – de templo angelicis manibus praeparato.

²³ ...и о гробе его – sive de arca ipsius («или самой гробнице»). Как и в сочинении диакона Феодосия «О местоположении Святой Земли» (первая треть VI в.), храм-меморий и гробница (гроб, саркофаг) разделяются. Следовательно, загородного храма Климента поначалу не было, а была только мемориальная постройка с гробницей (arca) (ср.: [Сорочан, 2013, с. 68, комм. 218]).

²⁴ ...все объявили – ad quem praefati omnes. У В. А. Бильбасова: «...все же вышеназванные».

²⁵ ...пришельцы из разных народов – diversis ex gentibus advenae. У В. А. Бильбасова: «...пришельцы от различных племен». В письме Анастасия Библиотекаря тоже уточняется, что это были «пришельцы из разных варварских народов», причем автор не разделял их на конкретные этносы, племена и даже не указывал самых заметных из этих «варваров» – хазар и венгров (ср.: [Сорочан, 2013, с. 236, комм. 960]).

уроженцы²⁶ ничего не знают, о чем он спрашивает²⁷. Ибо чудо морского отлива²⁸, знаменитое в истории страданий упомянутого первосвященника, давно уже прекратилось за грехи и нерадение жителей²⁹, и море прежние свои места покрыло волнами³⁰. Сверх того, и от многих набегов варваров храм оставлен и разрушен, страна эта опустела и сделалась необитаемой³¹; да и сам гроб св. мученика с телом³² покрыт был волнами³³.

²⁶ ...a ne местные уроженцы – utpote non indigenae.

²⁷ У В. А. Бильбасова: «...ничего не знают о том, что он разыскивает». Эта строка едва ли не дословно совпадает с текстом письма Анастасия Библиотекаря («nescire se quae disert»), что указывает на знакомство составителя «Италийской легенды» с сочинением папского архивариуса [Сорочан, 2013, с. 237, комм. 962].

²⁸ ...чудо морского отлива – miraculum illud marini recessus. У В. А. Бильбасова: «...чудо убыли моря».

²⁹ ...давно уже прекратилось за грехи и нерадение жителей – ex longo jam tempore ob culpam et negligentiam incolarum. У В. А. Бильбасова: «...с давнего времени по вине и небрежности жителей».

³⁰ ...и море прежние свои места покрыло волнами – et mare fluctus suos in pristinas stationes refuderat. У В. А. Бильбасова: «...и море опять вливало свои волны в прежние границы». Следует заметить, что stationis означает не просто «место», но место стоянки, якорную стоянку, рейд, бухту. У И. Я. Франко: «...і море свої хвилі виливало аж до первісних границь» [Франко, 1904, с. 213]. Ср. в гл. 2 у Анастасия Библиотекаря: «mare quippe fluctus suos ad nonnullos retractos spatia in proprios sinus collegerat» [Сорочан, 2013, с. 230, комм. 926].

³¹ ...от многих набегов варваров храм оставлен и разрушен, страна эта опустела и сделалась необитаемой – multitudinem incurstantium Barbarorum locus ille desertus est, et templum neglectum atque destructum, et magna pars regionis illius fere desolata et inhabitabilis reddita («от многих нападений варваров место это брошено (оставлено, покинуто, пустынно), храм оставлен без внимания и притом разрушен, большая часть области (страны) этой почти покинута и сделалась необитаемой»). У В. А. Бильбасова: «...вследствие частых вторжений варваров то место опустело, храм оставлен без внимания и разрушен, и большая часть той страны опустошена и сделана необитаемой». У И. Я. Франко: «Надто й задля множества варварських нападів се місце запустіло, і храм занедбаний та зруйнований і велика часть тої околиці стала ся майже безлюдною та незамешканою» [Франко, 1904, с. 213]. Следовательно, как и в письме Анастасия Библиотекаря, передающем рассказ Константина Философа (§ 2), текст «Италийской легенды» отмечает, что лишь часть области, а не вся она, «почти покинута» (fere desolata). Ср. письмо: «почти таким образом покинута» (prope modum desolate est).

³² ...сам гроб св. мученика с телом – ipsa sancti Martyris arca cum corpore. У В. А. Бильбасова: «...самая гробница св. мученика вместе с его телом».

³³ У В. А. Бильбасова: «...была погребена волнами». Эта подробность тоже перекликается с сообщением Константина, отраженным в письме Анастасия Библиотекаря (§ 2).

3. Таким ответом весьма удивленный и крайне опечаленный, философ обратился к молитвам, чтобы ему открыто было свыше, ради заслуг упомянутого первосвященника, чего не мог узнать от людей³⁴. Он пригласил митрополита из самого города, именем Георгий, вместе с причтом церковным и народом³⁵, да просят того же от небес: сверх того, рассказывая деяния страстотерпца или чудеса блаженнейшего мученика³⁶, весьма многих воодушевил³⁷ увещаниями своими приступить к отысканию столь драгоценного и столь долго пренебрегаемого сокровища и с помощью Божьей извлечения его на свет. В один день, 30-го, как пишут, января³⁸, при тихой

³⁴ Ср. с текстом § 3 письма Анастасия Библиотекаря.

³⁵ ...митрополита из самого города, именем Георгий, вместе с причтом церковным и народом – civitatulae ipsius Metropolitam, nomine Georgium, simul cum clero et populo. У В. А. Бильбасова: «...митрополита того небольшого города, именем Георгия, вместе с духовенством и народом» [Бильбасов, 1871, с. 315, гл. 3]. У И. Я. Франко: «...митрополита того місточка, на імя Георгія, разом з кліром і народом» [Франко, 1904, с. 213]. Обычно слово civitatulae переводят как «небольшой город», «городок», однако оно возможно и в значении «небольшой области, страны». Само имя «митрополита» Херсона (ниже он назван уже епископом) могло стать известно составителю *Legenda Italica* из перевода «исторического повествования» об обретении мощей св. Климента, подготовленного Константином Философом. О том, что такой перевод имелся, сообщает Анастасий Библиотекарь в своем письме епископу Гаудериху (см. § 1, 3, 4).

³⁶ ...рассказывающая деяния страстотерпца или чудеса блаженнейшего мученика – referens illius gesta passionis, seu miraculorum ejusdem beatissimi Martyris. У В. А. Бильбасова: «...повествовал о страданиях или чудесах того блаженного мученика». Следует обратить внимание на знание Константином предмета его повествований, что при всей эрудиции ученого предполагает предварительную целенаправленную подготовку.

³⁷ ...весьма многих воодушевил – plurimos eorum accedere («весьма многих к этому присоединил»).

³⁸ ...30-го, как пишут, января – quae in III Calendarum Januariarum inscribitur. То же число называет «Слово на перенесение мощей святого Климента» («тридцатень день бъяше Генваря мьясца»), относя событие к 6369 г. от сотворения мира = 861 г. н. э. (см.: заглавие и гл. 3) [Сорочан, 2013, с. 259–260, комм. 1082, 1087]. У В. А. Бильбасова ошибка месяца: «...в 30-й день, как пишут, декабря» [Бильбасов, 1871, с. 315, гл. 3]. Эта ошибка кочует по специальным работам, причем иногда к ней добавляют не названный источниками 862 г. (ср.: [Jastrzebowska, 2003, р. 134]). Очевидно, день был избран вполне обдуманно и намечен предварительно. В этот день отмечается праздник «трех святителей» – собор вселенских учителей и святителей Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста, а уже через день, 1 февраля, следует Предпразднество Сретения Господня, которое празднуется 2 февраля (по юлианскому стилю) и относится к числу самых значительных, двенадцатых Господних праздников. 31 января, когда должны бы-

погоде вступивши на корабль³⁹, путеводимые Христом, пускаются в дорогу, то есть упомянутый философ с епископом и честным клиром и некоторыми из города⁴⁰. Итак, плывя морем⁴¹, с великой набожно-

ли состояться основные торжества по случаю переноса мощей св. муч. Климента Римского, весьма удачно оказывалось «не занятым». Таким образом, если дата указана согласно источникам последней трети IX в., т. е. на основании отчета – «краткой истории», «повести» Константина Философа и анонимного «Слова на перенесение мощей преславного Климента», тогда разница в днях между юлианским и григорианским календарями должна составлять 4 дня, и в этом случае основные события произошли 30–31 января / 3–4 февраля 861 г., в четверг и пятницу (см.: [Справочник..., 2001, с. 16]).

³⁹ ...при тихой погоде вступивши на корабль – *tranquillo mari navem ingressi* («при спокойном море вступивши на судно»). У В. А. Бильбасова: «...при тихом море сели на корабль». Слово *tranquillatis* имеет значение «безветрие, штиль, тишина». В зимнюю пору, когда даже каботажные плавания на близкие расстояния совершались только в экстренных случаях, при большой нужде, такая погода случается нечасто. Недаром византийское законодательство стабильно сохраняло запрет на зимние морские путешествия [Basilicorum libri LX, 1833, XV. 1. 36]. В частности на подобное предприятие (*oran cheimeron, ou ploun dysenemon*) пошел епископ Амастриды Георгий (790–807), спеша на выручку амастридским эмпорам, угонившим в тюрьму в Трапезунде [Житие Георгия Амастридского, 1915, с. 43. 13, гл. 28]. Очевидно, в плавание морем в Казачью бухту отправилось немало: источник, как и «Слово на перенесение мощей преславного Климента», упоминают о причте епископа Херсона, некоторых «верных» из числа горожан, певчих, наконец, тех, кто раскапывал остатки храма на острове в нескольких метрах от берега бухты. Вместе с матросами-корабельщиками благочестивая экспедиция за реликвиями насчитывала, вероятно, не менее двух десятков человек. Составитель Жития Константина (гл. 8) даже указал, что ее участники отправились «на кораблях», имея в виду не одно судно, а по меньшей мере два.

⁴⁰ ...упомянутый философ с епископом и честным (досточтимым) клиром и некоторыми из города (народа) – *praedictus videlicet Philosophus cum Episcopo ac venerabili clero, nec non cum nonnullis de populo*. Выходит, непосредственное участие в плавании к островку принимал не только причт главного херсонесского храма – Большой базилики, храма Св. Апостолов Петра и Павла, но и лично сам Херсонский архиепископ (но не митрополит) Георгий в сопровождении некоторых из местного населения.

⁴¹ ...плывя морем – *navigantes*. До островка в Казачьей бухте от Западных городских ворот Херсона вела известная с античной эпохи, хорошо сохранившаяся дорога – широкая транспортная магистраль (35–40 футов), проложенная по спокойному рельефу [Николаенко, 2004, с. 194, рис. 1, поперечная дорога V]. Но, видимо, легче, безопасней и уж точно быстрее было добираться сюда водным путем (максимум 1,5 часа неспешного плавания вместо почти трех часов ходьбы). Тем более что вставка в рукопись VIII–IX вв. с текстом «Описания Святой Земли» Феодосия показывает на обыкновение подобной практики – идти не по суше, а «подниматься на судах» (*in barcas ascendunt*) [Сорочан, 2013, с. 67, комм. 215].

стью и упованием, с псалмопением и молитвами⁴² прибыли на остров⁴³, где находится, как думали, тело святого мученика⁴⁴. При блеске светильников⁴⁵ обходя [все места того острова], начали там с большим усердием⁴⁶ воссылать моления и прилежно рыть⁴⁷ в [одном] кургане⁴⁸, где, как должно было догадываться, покоится сокровище⁴⁹.

⁴² ...с псалмопением и молитвами – ac fiducia psallentes et orantes. Об этой стороне предприятия гораздо подробнее сообщает составитель «Слова на перенесение мощей преславного Климента», несомненно, очевидец происходившего (см.: [Сорочан, 2013, с. 259–269, гл. 3–9]).

⁴³ ...прибыли на остров – pervenerunt ad insulam. У В. А. Бильбасова: «...достигли они острова». Речь идет о небольшом насыпном, периодически затопляемом островке площадью примерно 60 × 60 м (1/4 десятины) в шестой по счету от Херсона Казачьей бухте, в 10 км от города. В «Описании Святой Земли» Феодосия упоминается об устройстве здесь херсонитами и паломниками переносного алтаря, ежегодно приносимого во время празднования памяти св. Климента [Сорочан, 2013, с. 69, комм. 219]. Очевидно, вскоре после открытия мощей на этом островке возник паломнический комплекс с одноапсидной церковью, в крипте которой находилась гробница св. Климента. Он еще значился на картах Крыма, снятых около 1772 г., во время русско-турецкой войны, и был описан академиком П. Палласом в 1793–1794 г. Раскопки на нем во второй половине XIX в. производил князь А. Барятинский, а затем К. К. Косцюшко-Валюжинич. В настоящее время островок с узким перешейком, которым он сообщается с берегом, засыпан землей. Впервые предположение о связи островка с местом, где Константин Философ нашел мощи римского епископа Климента, высказал А. Л. Бертье-Делагард (см.: [Производство..., 1893, с. 36–37; Бертье-Делагард, 1893, с. 58–64; Маркевич, 1909, с. 105–114; Айналов, 1916, с. 69–76; Сорочан, Зубарь, Марченко, 2000, с. 662–663; Сорочан, 2010, с. 29–39]).

⁴⁴ ...где находится, как думали, тело святого мученика – in qua videlicet aestimabant sancti corpus Martyris esse. У В. А. Бильбасова: «...на котором, как они предполагали, должно было находиться тело святого мученика».

⁴⁵ ...при блеске светильников – et multo luminum splendore lustrantes («и освещая блеском многих ламп»). Впрочем, слово *lumen*, *luminis* многозначно. Оно означает любой свет, в том числе тот, который исходит от свечей, светильников, факелов. Очевидно, розыски начались ранним зимним утром, когда было еще достаточно темно и требовалось дополнительное освещение. В этом случае, скорее всего, в ход пустили бы факелы, а учитывая особую торжественность и святость момента, к ним наверняка добавили бы восковые свечи.

⁴⁶ ...с большим усердием – magis ac magis («все более и более»).

⁴⁷ У В. А. Бильбасова: «рыть весьма заботливо и старательно» [Бильбасов, 1871, с. 316, гл. 3]

⁴⁸ ...в [одном] кургане – in aervo («в куче», «в груди»). У В. А. Бильбасова: «...и на том холму» [Бильбасов, 1871, с. 315, гл. 3]. У И. Я. Франко: «...и на тим горбку» [Франко, 1904, с. 214].

⁴⁹ ...сокровище – thesaurum, т. е. гробница с мощами. Вся площадь острова составляла, по данным А. А. Аркаса, 1304,2 м² (128 м в окружности) [Аркас, 1879, с. 20]. А. Л. Бертье-Делагард увеличивал ее до 0,36 га. Но раскопщики явно знали где, в какой стороне острова, следует искать следы гробницы и, вероятно, мемориальной постройки над ней (*арса*), развалины которой и образовали холм.

4. Долго и много рыли, надеясь на Божье милосердие⁵⁰; наконец, внезапно воссияла, подобно некоторой лучезарнейшей звезде, одна из костей⁵¹ неоцененного мученика. При этом зрелище все исполнились неопisanного восторга и уже без всякого побуждения⁵² непрерывно копали землю⁵³; тогда показалась святая голова его. Все со слезами возопили к небу, воссылая хвалы и благодарения Богу; такой радости, если вообразить не можем, то тем более описать⁵⁴. Ибо столько все восхищены были как обретением святых мощей, так и благоуханием, что мечтали быть в раю⁵⁵. Потом принялись опять за работу и, отрывая частичку за частичкой, ископали все⁵⁶. Напоследок нашелся и самый якорь, с которым он брошен был в море⁵⁷.

5. Итак, при всеобщей несказанной радости, вызванной столь великим Божиим благодеянием, по совершении на том месте та-

⁵⁰ *Долго и много рыли, надеясь на Божье милосердие* – Ubi diu multumque desiderio sancto cunctantibus, et de spe divinae miserationis plurimum confidentibus. У В. А. Бильбасова: «Когда они пребывали на острове со священным рвением уже долгое время и всецело доверились надежде на Божие милосердие» [Бильбасов, 1871, с. 316, гл. 4].

⁵¹ *...одна из костей* – una de costis («одно из ребер»). У И. Я. Франко: «...одно ребро» [Франко, 1904, с. 214].

⁵² Видимо, предшествующие безрезультатные поиски изрядно утомили и разочаровали копавших, так что до момента открытия мощей их приходилось побуждать к работе, казавшейся им пустой затеей.

⁵³ *...уже без всякого побуждения непрерывно копали землю* – sine aliqua jam excitatione terram certatim eruderantibus. У В. А. Бильбасова: «...уже без всякого понуждения стали еще более и старательнее взрывать землю». У И. Я. Франко: «...розкопывали землю глубше и ширше» [Франко, 1904, с. 214].

⁵⁴ В латинском тексте концовка предложения дана в вопросительной форме (si vel aestimare quidem vix possumus, quanto minus exprimere?).

⁵⁵ Перевод В. А. Бильбасова: «Вследствие открытия святых мощей, вследствие необычайно приятного благоухания всеми овладела столь великая радость, что все с невыразимым ликованием поздравляли друг друга, все были вне себя от радости и считали себя как бы находящимися в раю».

⁵⁶ Cum ecce post paullulum rursus quasi ex quibusdam abditis sanctarum reliquiarum particulis paullatim et per modica intervalla, omnes repertae sunt. В. А. Бильбасов перевел эту строку следующим образом: «Вскоре после того показали мало по малу бывшие еще скрытыми частицы святых мощей и после недолгого промежутка времени были открыты все мощи».

⁵⁷ Ad ultimum quoque ipsa etiam anchora, cum qua in Pontum est praecipitatus, apparunt. В «Слове на перенесение мощей преславного Климента» (гл. 7–9) тоже сперва говорится о находке ребра, а потом головы, других мощей, рук, ног и в заключении – якоря (см.: [Сорочан, 2013, с. 267–268, комм. 1113, 1115, 1118]).

инств святым первосвященником⁵⁸, сам святой муж⁵⁹, возложивши на собственную главу святыи мощи⁶⁰, при восклицаниях всех сопутствующих⁶¹ вступил на корабль⁶²; и потом с хвалебными песнями перенес их в столицу Глорию⁶³. При приближении к горо-

⁵⁸ ...по совершении на том месте таинств святым первосвященником – celebratis ibidem a sancto Pontifice sacrosanctis mysteriis («торжественно там святым понтификом [совершении] священнх таинств»). У В. А. Бильбасова: «...святым первосвященником было там же совершено богослужение» [Бильбасов, 1871, с. 316, гл. 5]. Под святым понтификом (первосвященником) следует понимать архиепископа Георгия, но не Константина, который имел невысокий священнический сан, вероятно, диакона. Поэтому он не мог совершать святыи таинства, тем более при наличии епископа. К тому же его присутствие на острове ничем не подтверждается и входит в противоречие с умолчанием об этом очевидца – автора «Слова на перенесение...», называвшего имена и менее видных участников экспедиции. В переводе И. Я. Франко сказано более определено: «...коли свьятий епископ тамже відправив пресьвяту Тайну» [Франко, 1904, с. 214].

⁵⁹ ...святой муж – sanctus vir. Речь идет о Георгии Херсонском [Франко, 1904, с. 221]. В «Слове на перенесение мощей преславного Климента» он назван «подобным архиереем» (гл. 10) [Сорочан, 2013, с. 269].

⁶⁰ ...возложивши на собственную главу святыи мощи – super proprium caput sanctorum reliquiarum loculum levans («подняв на голову гроб со святыи мощами»). Так же и в «Слове на перенесение мощей...» («блаженую раку на главе нося») (гл. 10). А. Пенкович предлагает переводить: «подняв над головой ковчежец со святыи мощами» [Пелин, 2001, с. 156]. Очевидно, гроб-реликварий был предумышленно захвачен членами экспедиции из города. Сам жест с поднятием раки на голову архиерея очень напоминает вознесение Св. Даров во время Анафоры в ходе Божественной литургии.

⁶¹ ...cum ingenti universorum subsequenrium tripudio – при неимоверном ликовании, приплясывая. *Tripudio* дословно – «танцевать, плясать в три па».

⁶² ...вступил на корабль – ad navim... detulit (ср.: § 3 Итальяской легенды). В пер. А. Пенковича: «...отнес к кораблю» [см.: Пелин, 2001, с. 157].

⁶³ ...и потом с хвалебными песнями перенес их в столицу Глорию – ac deinde Gloriam metropolim cum hymnis et laudibus maximis transportavit («и затем доставил в столицу Глорию с гимнами и величайшими восхвалениями»). Предпочтителен дословный перевод «в столицу славную», т. е. «столицу фемы», главный город края – Херсон. Однако, по мнению П. А. Лаврова, текст легенды здесь представляет искажение, подобное которому встречается в еще более поздней «Золотой легенде» (*Legenda Aurea*) Иакова де Ворагине (XIII в.). В последней в рассказе об обретении мощей Климента, отчасти заимствованном из недошедшей хроники епископа Льва Остийского (ум. ок. 1114/1115 г.), вместо митрополита Георгия вышло «малый городок Георгия», или «небольшая область Георгия» (*civitatala Georgia*), так точно, как в «Итальянской легенде»: metropolis Gloria (ср.: [La Legenda Doree..., 1902, р. 370–371]. Поэтому, издавая латинский текст источника, П. А. Лавров внес в него поправку, отчего конец реконструируемого текста выглядит следующим образом: ac deinde Georgiam metropolim cum hymnis et laudibus maximis transportavit («и потом митрополит Георгий с гимнами и многочисленными благословениями доставил»). У В. А. Бильбасова: «...при пении псалмов и великих хвалений

ду⁶⁴ встретил их со многими другими доблестный Никифор, князь того города⁶⁵ и, поклонившись святым мощам⁶⁶, с радостью пред-

перенес мощи в Георгию (ac deinde Georgiam), местопребывание митрополита» [*Бильбасов, 1871*, с. 222, 316, гл. 5]. У И. Я. Франко оставлено дословно: «...переніс до метрополії Глорії с великими0 гимнами і похвалами» [*Франко, 1904*, с. 214]. Следует добавить, что сочинение Льва, епископа Остии, в XV в. передал также Петр де Наталибус (Petrus de Natalibus), автор "Catalogus Sanctorum", который, в свою очередь, издал кардинал Сесар Бароний в конце XVI в. Этот текст близок по содержанию к «Италийской легенде», но содержит очень важное уточнение о причастности к открытию мощей некоего херсонского священника Филиппа, инициатора дела, а также называет Константина-Кирилла «епископом славян»: Leo Ostiensis tradit, quod tempore Michaelis imperatoris Constantinopolitani quidam Philippus sacerdos Chersonam veniens, de his, quae narrantur in historia S. Clementis, de maris aperature habitatores interrogavit. Qui nihil de hoc scire professi sunt, eo quod advenae magis quam indigenae erant. Nam miraculum marini recessus jam longe desierat et incursionibus barbarorum templum erat destructum. Tunc assumpto episcopo Georgiae civitatis cum clero et populo accesserunt ad insulam, in qua putabant esse martyris corpus. Ubi divina revelatione fodientes corpus invenerunt et anchoram, cum qua fuerat in mare projectum. Quod Chersonam reportantes ibidem sepelierunt. Tempore vero Nicolai papae corpus ipsum a sancto Cyrillo, Slavorum eriscopo, inde sublatum et Romam delatum [*Baronius, 1711*, p. 328].

⁶⁴ *При приближении к городу...* – Interea cum jam civitati appropinquant. У В. А. Бильбасова: «Между тем, когда они приближались к городу...». У И. Я. Франко: «Тим часом коли вже зближали ся до міста...» [*Франко, 1904*, с. 214].

⁶⁵ *...встретил их со многими другими доблестный Никифор, князь того города* – vir nobilis Nicephorus, ejusdem civitatis dux, illus cum pluribus aliis obviam («муж знатный Никифор, того города дукс, с многими другими навстречу [вышел]»). У В. А. Бильбасова: «...вышел к ним навстречу доблестный муж Никифор, воевода того города, со многими другими мужами». У И. Я. Франко: «благородний муж Никифор, начальник того міста, вийшов їм на зустріч з многими иньшими» [*Франко, 1904*, с. 214]. В переводе А. Пеньковича: «...знатный муж Никифор, правитель того города, со многими другими вышел им навстречу» (см.: [*Пелин, 2001*, с. 157]). Таким образом, существенных разночтений в переводах этого места нет. Однако надо обязательно учесть, что латинское *dux* служит полноправным эквивалентом греческому термину «стратиг», который действительно может быть передан в русском переводе как «воевода», «начальник», «правитель». В «Слове на перенесение мощей преславного Климента» (гл. 10) Никифор тоже назван «князем города», а вместо аморфного «многих встречавших» указаны «другие верные и мудрые мужи», надо понимать – из числа святых стратига Херсона и именитых горожан, «отцов города», «первенствующих»-протевонов. Среди них наверняка были Константин Философ, отсутствовавший на острове, и молодой императорский коммерциарий Сергей: судя по двум печатям 860–880-х гг., он начал в это время свою чиновную карьеру в Херсоне, которую завершил почти через полвека в должности стратига и «отца города» [*Алексеевко, 2013*, с. 437–438, прил. 2]. Имя статига Никифора тоже находит подтверждение в сфрагистике византийского Херсона последней трети X в.

⁶⁶ *...поклонившись святым мощам* – et adoratis sanctis reliquiis. У В. А. Бильбасова конкретизировано: «...приложившись к святым мощам».

шествовал, поспешая в город⁶⁷. Там еще при всеобщих восклицаниях приняв, поклонился святому и честному телу и рассказал в присутствии всего народа таинственное его обретение⁶⁸; когда уже начинало смеркаться⁶⁹ и от бесчисленного множества народа идти далее невозможно было⁷⁰, то с рачительной осторожностью положили тело⁷¹ в храм святого Созонта, в предместьи го-

⁶⁷ ...с радостью предшествовал, поспешая в город – cum multis gratiarum actionibus praecedens sanctum loculum, ad urbem cum gaudio remeare properabat («с многими благодарностями докладом предшествовал святому гробу, в город с радостью возвратился спешно»). У И. Я. Франко: «...з многими подьяками йдучи перед съвятою пушкою спшив ся з радістю вертати до міста» [Франко, 1904, с. 214]. Так же в переводе А. Пенковича: «со многими благодарениями пойдя перед святым ковчежцем, с радостью спешил возвратиться в город» [Пелин, 2001, с. 157]. Это переключается со свидетельством «Слова на перенесение мощей...» (гл. 11) и указывает на то, что, приложившись к раке с мощами и поблагодарив за свершенное, стратиг Никифор поспешил вернуться в город, дабы завершить приготовления к торжественной встрече процессии. В. А. Бильбасов понял данное место не совсем верно: «...он [Никифор], предшествуя святой раке, с многими благодарственными восхвалениями, поспешил с радостью возвратить ее обратно в город» [Бильбасов, 1871, с. 316, гл. 5]. На деле гроб-реликварий еще предстояло внести в Херсон.

⁶⁸ Ibi etiam cum ingenti inversorum tripudio sanctum ac venerabile corpus receptum adiravit, et recitato coram omni populo inventionis ejus mysterio... В. А. Бильбасов дает следующий перевод: «Там помолился он при огромном стечении народа святому и досточтимому вновь возвращенному телу и рассказал перед всем народом таинственное его обретение». Перевод А. Пеньковича: «Там также при невероятном ликовании всех он поклонился святому и почитаемому принятому телу и, огласив перед всем народом таинство его обретения...» (см.: [Пелин, 2001, с. 157]). В «Слове на перенесение мощей преславного Климента» добавлена важная подробность, что рака была выставлена на специально возведенном для всеобщего обозрения «столпе» [Сорочан, 2013, с. 271, комм. 134, гл. 11].

⁶⁹ ...начинало смеркаться – cum jam advesperasceret. У В. А. Бильбасова: «...так как уже вечерело». У А. Пеньковича: «...когда уже вечерело» (см.: [Пелин, 2001, с. 157]). В «Слове на перенесение мощей...»: «зане бъ вечер» [Сорочан, 2013, с. 272, комм. 1138, гл. 11].

⁷⁰ ...и от бесчисленного множества народа идти далее невозможно было – et prae nimia populi frequentia ingredi ultra non posset. У В. А. Бильбасова: «...и по причине большого стечения народа невозможно было двигаться вперед». Ср.: «...и по причине чрезмерного стечения народа далее перейти не мог» (пер. А. Пеньковича). Следовательно, собравшаяся толпа мешала организовать продвижение раки дальше в город, к Большой базилике – епископальному кафоликону (подробнее см.: [Сорочан, 2005, с. 153–181]).

⁷¹ ...с рачительной осторожностью положили тело – cum diligenti custodia posuerunt («с тщательной охраной положили [мощи]»). Custodis – страж, надсмотрщик, караульный пост, конвой. Поэтому перевод В. А. Бильбасова более точен: «поставили раку с заботливой стражей». Так же у А. Пеньковича: «...поместил с усердной стражей» (см.: [Пелин, 2001, с. 157]).

рода⁷²: наконец, перенесли в церковь св. Леонтия⁷³. На другой день утром⁷⁴ при стечении всего народа⁷⁵, взявши святые

⁷² ...в храм святого Созонта, в предместьи города – in templo S. Sozontis, quod urbi erat contiguum. *Contiguum* – «смежный, соседний». У В. А. Бильбасова: «...во храм св. Созонта, который лежит близ города». У И. Я. Франко: «...в церкви св. Созонта, що притикала до міста, під пильною сторожею» [Франко, 1904, с. 215]. У А. Пеньковича: «...в храме св. Созонтия, который примыкал к городу» [Пелин, 2001, с. 157]. Таким образом, «Италийская легенда» вполне определенно указывает, что храм св. Созонта находился по соседству с городом, но не в нем самом. Это же обстоятельство объясняет, почему именно здесь, вне оборонительных стен, понадобилась особенно надежная стража. По преданию, св. Созонт был пастухом овец, дерзнувшим поднять руку на статую языческого бога и замученным за это в 304 г. День его памяти читается Церковью 20 сентября. Остатки небольшого крестообразного храма (10 × 10,8 м), который может быть связан с его именем, был открыт в 1982 г. по соседству с Херсоном, примерно в 150 м от линии западных оборонительных стен города, в начале склона, полого спускающегося к Песочной бухте (подробнее см.: [Романчук, 1990, с. 165–171; Лосицкий, 1990, с. 172–173; Сорочан, Зубарь, Марченко, 2000, с. 660–661, 663–664; Сорочан, 2003(2), с. 146–151; Сорочан, 2012(1), с. 149–160]).

⁷³ ...наконец, перенесли в церковь св. Леонтия – demum vero ad ecclesiam S. Leonthii transtulerunt. В переводе А. Пеньковича: «...лишь затем перенесли к церкви св. Леонтия» (см.: [Пелин, 2001, с. 157]). И. Я. Франко пропустил в предлагаемом им переводе это важное указание источника (ср.: [Франко, 1904, с. 215]). Первым, кто попытался проследить весь путь переноса мощей св. Климента и определить церкви, в которых останавливалось шествие, был Е. Э. Иванов. Церковь св. Созонта он идентифицировал с небольшой часовней на Девичьей горе за стенами города, а церковь св. Леонтия – с храмом, пристроенным к внутренней оборонительной стене «цитадели» в юго-восточном конце города [Иванов, 1912, с. 256–258]. Именно за этим храмом надолго закрепилось название «базилики Леонтия», прочно вошедшее в дальнейшие исследования [Гриневич, 1927, с. 259–272]. Оно было опровергнуто В. Ф. Гайдукевичем лишь в середине XX в. [Гайдукевич, 1953, с. 299–315]. По данным последних изысканий, одноименный храм, обладавший «мощетейкой», очевидно, входил в монастырский комплекс с крупной базиликой № 13, который находился на территории своеобразной «цитадели» в северо-западном углу крепостной ограды города. Защищенный городскими стенами, он обеспечивал безопасность, какую не могла дать даже усердная стража, и, главное, был удобен для совершения службы. В храм св. Леонтия можно было попасть, следуя от храма св. Созонта к берегу вдоль оборонительных стен до калитки в 1 куртине «цитадели», или со стороны города, через Западные ворота (подробнее см.: [Сорочан, Зубарь, Марченко, 2000, с. 643–650, 664–665; Сорочан, 2003(2), с. 146–151; Романчук, 2000, с. 222–223], там же см. литературу по вопросу о Западной базилике и храме, отождествляемом с церковью св. Созонта).

⁷⁴ На другой день утром... – Inde cum mane factum esset. А. Пенькович: «...когда наступило утро» [Пелин, 2001, с. 157]. Речь идет о 31 января (по византийскому стилю). В 861 г. это было 4 февраля (по григорианскому календарю).

⁷⁵ ...при стечении всего народа – universa civitatis multitudo conveniens. У В. А. Бильбасова: «...собралось все население города». А. Пенькович: «...все множество (жителей) города, собравшись» [Пелин, 2001, с. 157].

мощи⁷⁶, с великими хвалами⁷⁷ обошли кругом весь город⁷⁸ и таким образом принесли их в соборную церковь⁷⁹, с честью там положили⁸⁰; потом все, радуясь, возвратились по домам⁸¹.

⁷⁶ ...*взявши святые мощи* – *assumpto sanctarum reliquiarum loculo* («приняв гроб со святыми мощами»). *Loculo* можно перевести и как «гроб», и как «ящик», и как «ковчег», «рака», «мощехранительница». Вероятно, предпочтительнее последнее значение, тем более в «Слове на перенесение мощей...» постоянно упоминается именно рака (см.: [Сорочан, 2013, с. 269–273, гл. 10–11]).

⁷⁷ ...*с великими хвалами* – *cum magnis laudibus* («с величайшими восхвалениями»).

⁷⁸ ...*обошли кругом весь город* – *totam... in circuitu lustraverunt urbem*. У В. А. Бильбасова: «...обошли весь город вокруг». То же у И. Я. Франко: «...обійшли ціле місто» [Франко, 1904, с. 215]. А. Пенькович предлагает следующий перевод-интерпретацию: «...при обнесении вокруг, освятили город» (см.: [Пелин, 2001, с. 157]). Выражение оригинала источника дважды подчеркивает, что это был обход города именно по кругу. Такое могло произойти, если бы процессия, о которой упоминается в «Слове на перенесение мощей преславного Климента» (гл. 12), двинулась по следующим станциям – точкам остановок крестного шествия: от Западной базилики № 13 к четырехапсидному мартирию № 47 на главной продольной улице, затем в месте ее пересечения с главной поперечной улицей свернула к южным городским воротам («Мертвым воротам»), в район предполагаемой малой агоры со скоплением ее храмов (№ 19 и 1958 года) [Сорочан, 2012(2), с. 218–229; Жития епископов..., 2012, с. 133–142], после чего вновь вышла на главную улицу, откуда по пятой поперечной улице двинулась к северному берегу и входу в экзонартекс Уваровской базилики, отождествляемой с главным соборным храмом Херсона – большой базиликой апостолов Петра и Павла (подробно см.: [Сорочан, Зубарь, Марченко, 2000, с. 593–600, 665; Пелин, 2001, с. 160]). В данном случае перед нами типичный пример стациональной литургии – переход богослужебных последований (аколуфий) с места на место, обычный при переносе мощей (ср.: [Taft, 1982, p. 159–170]).

⁷⁹ ...*и таким образом принесли их в соборную церковь* – *et sic ad majorem basilicam* («и так пришли к большой базилике»). У В. А. Бильбасова: «...и, придя к кафедральному собору». Согласно преданию, заключенному в старославянской проложной статье, мощи поместили в церкви Апостолов [Спиридонов, 1914, с. 270–271]. Символично, что легенда связывала имя Климента Римского с жизнью и деятельностью двух первоверховных апостолов – Петра и Павла, а именно им была посвящена «большая базилика» – кафедральный кафоликон Херсона, куда доставили прах блаженного мученика. А. И. Маркевич тоже называет эту базилику главной церковью города, но – характерный пример путаницы – со ссылкой на латинский текст, приводимый Бильбасовым, ошибочно именует церковь Св. Софии [Маркевич, 1909, с. 109].

⁸⁰ ...*с честью там положили* – *in ea ipsum honorifice locaverunt*. У В. А. Бильбасова: «...с честью поместили в нем раку». В переводе А. Пеньковича: «...в ней благоговейно его поместили» [Пелин, 2001, с. 157]. Предполагается, что это было сделано в новопостроенном приделе справа от алтарной апсиды большой базилики (подробно об Уваровской базилике см.: [Сорочан, 2005, с. 153–181]).

⁸¹ ...*потом все, радуясь, возвратились по домам* – *sicque omnes deum ad sua gaudentes reversi sunt*. В переводе А. Пеньковича: «...и так все, радуясь, возвратились к себе» (см.: [Пелин, 2001, с. 157]). Тот же самый порядок шествия и его завершения изложен и в старославянской версии перевода утраченного греческого сочинения, в «Слове на перенесение мощей преславного Климента» [Сорочан,

6. После этого упомянутый философ отправился в путь и, прибывши к тому народу, куда был послан⁸², проповедовал Искупителя всех Бога и силой своего слова отвратил всех тех от заблуждений, которых обольстило вероломство сарацин или иудеев. Утвержденные в кафолической вере и наученные, они с великой радостью благодарили всемогущего Бога и служителя Его, Константина Философа. Сверх того, они послали к императору письмо, благодаря, что постарался обратить их к истинной и кафолической вере⁸³; утверждая, что они за это всегда пребудут вернейшими и покорными власти его⁸⁴. Отпуская же философа с великой честью, принесли они ему драгоценнейшие дары, которых он, как истинный философ, не принял, а просил вместо всех даров отпустить с ним сколько есть чужеземных пленников⁸⁵. Это тотчас было исполнено⁸⁶.

2013, с. 270–277, гл. 11–12]. Вообще весь рассказ «Италийской легенды», вошедший в § 3–5, представляет собой сокращенный вариант более подробного повествования «Слова...», принадлежавшего херсониту, менее насыщен деталями местного колорита, знанием города и отдельных его обитателей.

⁸² Т. е., если следовать указанию Жития Константина (гл. IX: «Сев на корабль, направился в Хазарию к Меотскому озеру и к Каспийским воротам Кавказских гор...»), в Прикаспий, ко двору хагана хазар, в Семендр (около современной Махачкалы), в Варачан – Баланджер (к северу от Дербента) либо сам приморский Дербент – «Врата врат» (см.: [Marquar, 1903, S. 16, 21; Шестаков, 1908, с. 49; Dvornik, 1933, p. 183; Магомедов, 1975, с. 70 и сл.; Житие Константина..., 1981, с. 119, комм. 2; Плетнёва, 1986, с. 24–28; Байер, 2001, с. 76, 90]. «Италийская легенда» ничего не говорит об этом, тогда как морской характер путешествия от Херсона через Черное и Азовское моря позволяет датировать отплытие миссии не ранее начала мореходного сезона в марте 861 г.

⁸³ Сверх того, они послали к императору письмо, благодаря, что постарался обратить их к истинной и кафолической вере... – *Litteras insuper Imperatori cum multis gratiarum actionibus transmiserunt; quia eos studio suo ad veram et catholicam revocare studuerit fidem.* У В. А. Бильбасова: «Сверх того они отослали императору письма, полные благодарности за то, что он своим рвением стремился возвратить их к истинной и кафолической вере» [Бильбасов, 1871, с. 317, гл. 6]. В этой информации присутствует явный агиографический штамп.

⁸⁴ ...утверждая, что они за это всегда пребудут вернейшими и покорными власти его – *affirmantes se ob eam rem imperio ejus semper subdotis et fidelissimos de cetero velle manere.* У В. А. Бильбасова: «...уверяли его, что ради этого они желают оставаться навеки самыми верными его подданными». Вероятно, миссия завершилась обещанием хагана соблюдать с ромеями мирный договор.

⁸⁵ ...отпустить с ним сколько есть чужеземных пленников – *quotquot captivos externos haberent, sibi secum mox reversuro dimitterent.* У В. А. Бильбасова: «...отпустить с ним всех пленников из чужих земель, которые были у них». Житие Константина (гл. XI) уточняет их число и принадлежность – до 20 пленных греков.

⁸⁶ Рассказ о результатах миссии к хазарам в целом соответствует Житию Константина (см. конец гл. XI) [Сорочан, 2013, с. 218–220].

[Возвращение Константина в Константинополь и последующая его поездка вместе с братом Мефодием в Моравию, где они пробыли четыре с половиной года. Вызов братьев в Рим апостольскими письмами папы Николая (858–867) и смерть этого папы. Торжественная встреча папой Адрианом (867–872) Константин, несшего с собой мощи св. Климента⁸⁷.]

⁸⁷ По мнению И. Я. Франко, моравяне и их князь Ростислав, «желая иметь свое низшее духовенство, просили у греков учителей, которые помогли бы им основать школы для подготовки такого духовенства». Следовательно, Константин и Мефодий отправились к славянам «как учителя (выделено И. Ф.), а не как миссионеры и церковные реформаторы» [Франко, 1904, с. 233–234, прим. 1; ср.: Житие Константина..., 1981, гл. XV]. Итальянская легенда добавляет, что, прибыв в Моравию, братья «начали молодых стараться обучать» (соерегунтер parvulos eorum edocere), и это были не начальные школы, а для зрелых учеников, из которых через некоторое время могли выйти кандидаты в священники, пресвитеры. Любопытно сообщение той же главы *Vita cum Translatione S. Clementis* (§ 7), что, отправляясь в Моравию, Константин вез с собой «тело св. Климента, трудами его обретенное» (corpus b. Clementis, quod studio suo gererat): «Когда же с Божьей помощью они (Константин и Мефодий) пришли в те страны, то жители места того, услышав о приходе их, очень обрадовались, ибо слышали, что они принесли (несут) с собой мощи св. Климента (reliquias b. Clementis secum ferre audierant) и Евангелие, переведенное упомянутым философом на их язык». Между тем, мощи находились также в Константинополе, в храме св. Апостолов (Апостолионе), и доставка их в Рим могла быть обеспечена именно оттуда. В Житии Мефодия (гл. 5) сказано, что из Моравии братья вернулись в Константинополь («и трьмъ лѣтомъ ишьдъшемъ възвратисте ся изъ Моравы, оученики наоучъша» [Франко, 1904, с. 235]. В этом случае Константин и Мефодий могли отправиться в Рим вместе с императорским посольством Василия Македонянина. Оно должно было уведомить Папу о смене власти в Константинополе и прибыло в Рим в мае или июне 868 г. Это объясняет особый парадный прием, который встретил солунских братьев в Риме: Папа Адриан вышел даже за город и с множеством народа. Прибывшая делегация должна была решить некоторые религиозные разногласия, особенно из-за свергнутого Фотия и Болгарии. В этой ситуации мощи Климента были символом мира и единства, правда, весьма недолго, как показали события уже 869 г. [Франко, 1904, с. 238–240]. О доставке же ценной реликвии именно из Моравии не говорится ни в пространных Житиях, ни в других источниках, как и о том, что в благодарность за труды и особенно за принос чудотворных мощей св. Климента в Рим «...рукоположили его (Константина) и Мефодия в епископы, а прочих учеников их в пресвитеры и диаконы» (§ 9). К слову, Житие Константина не называет числа этих учеников, а Житие Мефодия говорит, что освящено было лишь «три попа» [Франко, 1904, с. 234]. Анастасий Библиотекарь, как видно из его письма, тоже не знал о посвящении Константина в епископы. Примечательно, что фрески, открытые в римской церкви св. Климента, изображают Константина (Кирилла) лежащим в гробу в епископском облачении. Итальянская легенда сообщает, что Константин был похоронен в этой церкви «...вместе с мраморным гробом, куда прежде Папа заключил его, в приготовленном для того склепе по правую сторону алтаря» (§ 12). Из Жития Константина можно понять, что в каменный саркофаг-гроб тело Константина было положено в деревянной раке, крепко заколоченной гвоздями [Житие Константина..., 1981, с. 92, гл. 18]. О местоположении гробницы и судьбе останков подробнее см.: [Boyle, 1963].

Литература

- Айналов Д. В.* Мемории св. Климента и св. Мартина в Херсонесе // Древности. Труды имп. Московского археологического общества. Т. 25. М., 1916.
- Алексеевко Н. А.* Таможня и коммерции Херсона // Сорочан С. Б. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X в.). Очерки истории и культуры. Ч. 3. М., 2013.
- Аркас З.* Описание Ираклийского полуострова и древностей его. История Херсонеса. Николаев, 1879.
- Байер Х.-Ф.* История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. Екатеринбург, 2001.
- Бертье-Делагард А. Л.* Древности Южной России. Раскопки Херсонеса // Материалы по археологии России. № 12. СПб., 1893.
- Бильбасов В. А.* Кирилл и Мефодий. СПб., 1871.
- Гайдукевич В. Ф.* Мнимая базилика Лаврентия-Леонтия // Материалы и исследования по археологии СССР. № 34. М., 1953.
- Гордієнко Д. С.* Похід росів на Константинополь 860 р. в історіографії та культурі Русі // Romaios. сборник статей к 60-летию проф. С. Б. Сорочана / Нартекс. Byzantina Ukrainensia. Т. 2. Харьков, 2013.
- Гриневич К. Э.* Отчет о херсонесских раскопках 1926 г. в связи с раскопками 1907–1911 гг. // Херсонесский сборник. Вып. 2. Севастополь, 1927.
- Житие и перенесение мощей св. Климента (Итальянская легенда) // Книга для чтения по истории средних веков, составленная кружком преподавателей под ред. проф. П. Виноградова. Вып. 2. 4-е изд. М., 1912.
- Житие Георгия Амастридского // Труды В. Г. Васильевского. Т. 3. Пг., 1915.
- Житие Константина Философа (текст, комментарии) // Сказания о начале славянской письменности / Вступ. ст., пер, коммент. Б. Н. Флори. М., 1981.
- Жития епископов Херсонских в контексте истории Херсонеса Таврического / Могаричев Ю. М., Сазанов А. В., Саргсян Т. Э., Сорочан С. Б., Шапошников А. К. // Нартекс. Byzantina Ukrainensia. Харьков, 2012.
- Иванов Е. Э.* Херсонес Таврический. Историко-археологический очерк // Известия таврической ученой архивной комиссии. № 46. Симферополь, 1912.
- Климентовский сборник. Материалы VI Международной конференции «Церковная археология: Херсонес – город святого Климента (Севастополь, 2011 г.) / Отв. ред. Т. Ю. Яшаева. Севастополь, 2013.
- Кузенков П. В.* Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках // Древнейшие государства Восточной Европы. 2000 г. Проблемы источниковедения. М., 2003.

- Кузенков П. В. Из истории начального этапа византийско-русских отношений // Исторический вестник 1. Начало русской государственности. М., 2012.
- Лавровский П. Итальянская легенда. Критический обзор исследований и мнений о ней // Журнал Министерства народного просвещения. 1886. Ч. 246. Июль.
- Лосицкий Ю. Г. Западный загородный храм: архитектурная реконструкция // Византийский временник. Т. 51. М., 1990.
- Магомедов М. Г. Древние политические центры Хазарии // Советская археология. 1975. № 3.
- Маркевич А. И. Островок в Казачьей бухте как предполагаемое место кончины св. Климента // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Т. 43. Симферополь, 1909.
- Николаенко Г. М. Дороги на городской хоре Херсонеса // Херсонесский сборник. Вып. 13. Севастополь, 2004.
- Оболенский Д. Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. М., 1998.
- Пелин А., протоиерей. Топография христианского Херсонеса IV–XIV века: Дис. ... канд. богословия / Московская Духовная академия. Сергиев Посад, 2001 (рукопись).
- Плетнёва С. А. Хазары. 2-е изд., доп. М., 1986.
- Производство археологических раскопок в Херсонесе // Отчеты Императорской археологической комиссии за 1890 год. СПб., 1893.
- Романчук А. И. Западный загородный храм Херсонеса // Византийский временник. Т. 51. М., 1990.
- Романчук А. И. Очерки истории и археологии византийского Херсона. Екатеринбург, 2000.
- Спиридонов Д. С. Д-р И. Франко. Святой Климент у Корсуни. 1902–1905. Львов (Критико-библиографическая заметка) // Известия Таврической ученой архивной комиссии. № 51. Симферополь, 1914.
- Сорочан С. Б. «Carceris habitateris»? Положение Херсона во второй половине IX в. // Боспорские исследования. Вып. 3. Симферополь, 2003(1).
- Сорочан С. Б. О храме Созонта, «доме св. Леонтия» и мартрии св. Василия в раннесредневековом Херсоне // Античная древность и средние века. Вып. 34. Екатеринбург, 2003(2).
- Сорочан С. Б. О храме Св. Апостолов и епископальном архитектурном комплексе на северо-восточном берегу византийского Херсона // Боспорские исследования. Вып. 10. Симферополь–Керчь, 2005.
- Сорочан С. Б. О мартрии св. муч. Климента Римского вблизи византийского Херсона // Проблемы теологии. Материалы Третьей международной богословской научно-практической конференции, посвященной

- 80-летию со дня рождения протопресвитера Иоанна Мейендорфа (2–3 марта 2006 г.). Вып. 3. Ч. 1. Екатеринбург, 2006.
- Сорочан С. Б. О паломническом комплексе во имя мученика Климента Римского в округе византийского Херсона // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. 2010. № 908. Історія. Вип. 42.
- Сорочан С. Б. К вопросу о маририях в ранневизантийском Херсоне // Древняя и средневековая Таврика. Сборник статей посвященный 1800-летию города Судака / Отв. ред. В. В. Майко. Археологический альманах. № 28. Донецк, 2012(1).
- Сорочан С. Б. О «так называемой малой агоре» и Воротях мертвых ранневизантийского Херсона // Сугдейский сборник. Вып. 5. Киев–Судак, 2012(2).
- Сорочан С. Б. Византийский Херсон в письме Анастасия Библиотекаря // Хазарский альманах. Т. 11. Киев; Харьков, 2012–2013.
- Сорочан С. Б. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X в.). Очерки истории и культуры. Ч. 3. М., 2013.
- Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В. Жизнь и гибель Херсонеса. Харьков, 2000.
- Справочник необходимых знаний / Сост. А. П. Кондрашов. М., 2001.
- Франко І. Сьвятий Климент у Корсуні // Записки наукового товариства імені Т. Шевченка. Т. 48. Кн. 4. Львів, 1902.
- Франко І. Сьвятий Климент у Корсуні // Записки наукового товариства імені Т. Шевченка. Т. 60. Кн. 5. Львів, 1904.
- Херсонес – город Святого Климента. Тезсы докладов и сообщений VI Международной конференции по Церковной археологии (Севастополь, 12–18 сентября 2011 г.). Севастополь, 2011.
- Цукерман К. К вопросу о ранней истории фемы Херсона // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. 1. Симферополь, 1997.
- Шестаков С. П. Очерки по истории Херсонеса в VI–X веках по Р. Хр. М., 1908.
- Acta Sanctorum. Martii tomus II. Antverpae, 1678.
- Baronius S. Annales ecclesiastici. Т. 10. Venetiis, 1711.
- Boyle L. The Fate of the Remains of St. Cyril // Cirillo et Metodio – I santi Apostoli degli Slavi. Roma, 1963.
- Basilicorum libri LX / Ed. G. E. Heimbach, C. G. E. Heimbach. Vol. 1. Lipsiae, 1833.
- Darrouzes J. Recherches sur les ophphikia de l'eglise byzantine. Paris, 1970.
- Dvornik F. Byzantske misie u slovanu. Prague, 1970.
- Dvornik F. Les legendes de Constantin et de Methode vues de Byzance. Prague, 1933.
- Jastrzebowska E. Il culto di S. Clemente a Chersoneso alla luce della ricerca archeological // Studi su Clemente Romano. Roma, 2003.

- La Legenda Doree de Jacques de Voragine / Trad. par l'Abbe J. B. M. Roze. T. 3. Paris, 1902.
- Manaphes K. Ai en Konstantinoupolei bibliothekai autokratorikai kai patriarchike kai peri ton en autais cheirographon mechri tes aloseos (1453). Athenais, 1972.
- Marquart J. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Ethnologische und historisch-topographische Studien zur Geschichte des 9. Und 10 Jh. Leipzig, 1903.
- Taft R. Byzantine Liturgical Evidens in the Life of St. Marcian the Oeconomus: Concelebration and the Preanaphoral Rites // *Orientalia Christiana Periodica*. Vol. 48. Roma, 1982.
- Wasiliewski T. Bizancjum i slowianie w IX wieku. Warszawa, 1972.
- Wilson N. The Libraries of the Byzantine World // *Greek, Roman and Byzantine Studies*. Vol. 8. 1967.
- Vita cum Translatione S. Clementis // Лавров П. Жития херсонских святых в греко-славянской письменности / Памятники христианского Херсонеса. Вып. 2. М., 1911.

С. Б. Сорочан

Византийский Херсон в «Италийской легенде»

Резюме

Предлагается перевод ценного агиографического источника, известного как «Житие с перенесением мощей св. Климента» (в латинском органале – «Vita cum Translatione Sancti Clementis», или «Италийская легенда» (*Legenda Italica*)). Текст памятника повествует о розыске мощей блаженно-го Климента Римского в византийском Херсоне, предпринятых Константином Философом и архиепископом Херсона Георгием зимой 860/861 г., и других обстоятельствах византийской миссии к хазарам. Он гораздо более подробный, чем «Пространное житие Константина» («Паннонская легенда»), обнаруживает следы переводческой деятельности Анастасия Библиотекаря и его письма к епископу Гаудериху италийского города Велитери (870-е гг.). Перевод впервые снабжен комментариями и сверен с вариантами, предлагаемыми В. А. Бильбасовым, П. А. Лавровым, И. Я. Франко и А. Пеньковичем.

Ключевые слова: Св. Климент, «Италийская легенда», Византия, Херсон, Константин Философ, мощи, Пространное Житие Константина, перевод.

S. B. Sorochan

The Byzantian Cherson in “Legenda Italica”

Summary

The article offers a translation of the famous hagiographic source, known as “Life with transferring of the relics of St. Clement” (in Latin originale “Vita cum Translatione Sancti Clementis” or “Italic Legend” (Legenda Italica). Text of the source tells about the search of the relics of Blessed Clement of Rome in Byzantine Cherson which was undertaken by Constantine the Philosopher and Archbishop of Cherson George in winter of 860/861 and other circumstances of the Byzantine mission to the Khazars. It is much more detailed than the Lengthy Life of Constantine (Pannonian legend) and discovers the traces of translation made by Anastas the Librarian and letter to the bishop Gauderih – bishop of Italian city Veliteri (870-ies.). For the first time the translation has comments and verified with the versions offered by the V. A. Bilbasov, P. A. Lavrov, I. Franko and A. Penkovich.

Keywords: St. Clement, “Italic Legend”, Byzantium, Cherson, Constantine the Philosopher, relics, Lengthy Life of Constantine, translation.